

An impressionistic landscape painting with a dramatic sky. The sky is filled with thick, expressive brushstrokes in shades of blue, white, and grey, suggesting a cloudy or stormy day. Below the sky, a dark, silhouetted line of trees and bushes stretches across the horizon. In the foreground, a field of green grass is interspersed with patches of yellow and brown, possibly representing wildflowers or dry grass. The overall style is painterly and atmospheric.

Виктор Минаков

НОС ПЛАЛТМЕСКМЙ
КАЗУС

Рассказы для взрослых

Виктор Минаков

**Ностальгический казус.
Рассказы для взрослых**

«Издательские решения»

Минаков В.

Ностальгический казус. Рассказы для взрослых / В. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964262-2

Достоверно оценить настоящее можно, только сравнив его с прошлым.
Ностальгия — одна из экспрессивных и очень емких оценок. Она
субъективна, но, когда о былом ностальгируют многие, есть причина о многом
задуматься.

ISBN 978-5-44-964262-2

© Минаков В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ТОРТ	7
ОТСТАВНИК	12
ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР В ПАЛАТЕ	15
ДОСТОЯНИЕ БЕДНЯКА	22
НА КУХНЕ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ностальгический казус Рассказы для взрослых

Виктор Минаков

© Виктор Минаков, 2019

ISBN 978-5-4496-4262-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Русские правители, как обратное провидение,
устраивают к лучшему не будущее, а прошлое.
А. И. Герцен.*

Известный политический деятель, философ А. И. Герцен сказал такие слова после глубокого изучения истории Российского государства. Сказаны они были больше чем полтора века назад, и понятно, что о минувшем. А как было позже? Как стало сейчас? Как соотносятся слова мыслителя царских времен с современностью?

У героев рассказов, помещенных в предлагаемый читателям сборник, сложилось твердое мнение: им стало хуже. И в этом убеждении они не одни. Стало хуже всем тем, кто после разрушительной Перестройки и под гнётом бесконечных и безрассудных во многом реформ оказался на обочине жизни, тем, кто оказался за чертой бедности, тем, кто лишился стабильной работы, тем, кто существует на жалкие подаяния. Стало хуже их детям и внукам.

И таких горемычных семейств в стране сейчас много, считай, что большинство населения. Им и раньше жилось, как говорится, не сладко, но и не до такой уж степени горько, как живется сейчас.

Приходится с сожалением признать, что слова А. И. Герцена и сегодня весьма актуальны. И невольно возникают вопросы: неужели порочная практика управления страной – фатальная неизбежность? Имеется ли дно в том злосчастном колодце, куда методически опускается качество жизни?

ТОРТ

Утро. Николай Фомич Хромоножкин, пожилой человек невзрачной наружности – низкорослый худой и плешивый, стоит у окна и грустит: жизнь, почитай, уже прожита, одолевают болезни, пенсия мизерная, цены растут... Нагоняла хандру и погода: под утро зарядил моросящий, надоедливый дождь. Сейчас, правда, дождь прекратился, и первые лучики солнца уже заискрились на мокром асфальте, а на ветках дремавшей акации защелбетали суетливые пташки, но настроение у Хромоножкина не улучшалось.

Николай Фомич слушает, как возится в кухне старуха, и думает: «Наступает обычный, бесцветный, безрадостный день...»

Появление внучки стало светлым событием. Хрупкая, предположительно, в деда, восьмилетняя девочка уже в дверях сообщила, что сюда вслед за ней собираются ее мама и папа.

– Батюшки! – бабушка всплеснула руками. – А у меня их и попотчевать нечем!.. Давай-ка, дедуня, отправься до магазину, купи нам чего-нибудь вкусенького!

– Торт! Торт! – запрыгала радостно девочка.

– Можно и торт, – согласилась старушка, – не разоримся, я думаю.

Она выдала деньги супругу, и он, поменяв домашнюю одежду на выходную, направился к двери.

– И я хочу с тобой, деда! – крикнула внучка.

– Пойдем, поможешь определиться мне с выбором.

Через пару минут они вышли на улицу. Путь лежал мимо соседнего дома, где у второго подъезда собралась небольшая толпа.

Люди обступили легковую автомашину иностранного производства. Машина была большая и очень красивая, она сверкала на солнце свежей краской серебристого цвета и никелированными деталями. Но внимание к ней привлекало другое: она была без колес, а ее зарубежный капот, как плугом, распахал гвоздем какой-то умелец и выгрыз на нем соленое русское изречение.

Народ здесь собрался разного возраста: от хулиганистых пацанов до лысо- и седоголовых пенсионеров, и отношение к развернутой перед ними картине было неоднозначным.

– Такую ценность испортили, паразиты! – сокрушалась старушка в потертом халате и глубоких калошах. – Такую-то красотищу!..

– Так им, ворюгам, и надо! – ухмылялась злорадно другая, немного моложе.

На нее набросилось несколько голосов:

– Это как так – ворюга?! Вы следите за своими словами! Ты чего, его за руку схватила?!..

– А здесь и хватать не надо: все налицо!.. Откуда у него такие деньжищи?! – женщина тоже повысила голос. – Я у вас спрашиваю: откуда?!.. Скажете – заработал? Где? Назовите мне работу, на которой можно так заработать?!..

– Чья машина-то? – спросил Хромоножкин у одного из знакомых.

– Да тут, один лох... К кому-то, видимо, в гости приехал, а ее во время дождя и... того... Все скаты проковыряли, повез их сейчас ремонтировать. Мужик, говорят, чуть не плакал.

А рядом полемика продолжалась. Кто-то завистливо говорил:

– Молодец, паренек: рискнул разик, зато теперь живет припеваючи! А не попался, как говорится, – не вор!

– Я бы не назвал его жизнь привлекательной, – возражает высокий старик, вцепившись руками в сучковатый костыль. – Как он может жить припеваючи среди сплошной нищеты?! Сегодня его машине колеса порезали, а завтра могут взорвать или сжечь!.. Хорошо, что бомбу не подложили!..

– Может, и подложили... Может, тикает она под мотором, ждет, когда соберутся побольше, вот тогда и рванет!

Николай Фомич покосился на стайку юнцов, откуда доносились такие слова, и потянул внучку за руку.

– Идем, Надюша, идем, а то нас дома заждутся...

И пока они не свернули за угол, он посматривал назад с беспокойством.

– Деда, а почему его называли ворюгой? – спросила вдруг девочка. – Он заправдышный жулик?

– Кто?

– Ну тот, у кого та машина?

– Наверно... Думаю – да!

И Николай Фомич принялся объяснять, почему он так думает. Он увлекся, заехал в большую политику, и порой забывал, что беседует с маленькой девочкой.

– И все это, Наденька потому, что в стране у нас многое изменилось, поставлено на голову, не на ноги... Когда тебя еще не было...

Хромоножкин не успел рассказать, как было в минувшие времена – ему и внучке пришлось сойти с тротуара: на них, галдя и толкаясь, катилась ватага цыган. Впереди шла дородная женщина с крупными серьгами в оттянутых мочках и с младенцем, подвешенным на груди посредством клетчатой шали. Цыганки стреляли глазами по сторонам, выбирая объект для стандартного охмурения. Ни один взгляд не задержался на Хромоножке больше мгновения: для таборных попрошайек он был категорически не интересен.

В тамбуре кондитерского магазина создала себе рабочее место одна из предприимчивых старушенок, из тех что промышляют охотой за подающими. Она вздохнула сочувственно, взглянув на входящего старичка: поношенный пиджачок, штаны, блестящие на коленях, шляпа – кандидат в огородное пугало, потом она с наслаждением зевнула и мелким крестом осенила бескровные губы.

И эта побирушка не снизошла до обращения к нему с просьбой о милостыне.

В отделе, где продавались торты, откровенно скучала миловидная девушка в белом кокошнике. Хромоножкину ее лицо показалось знакомым, но почему – он не помнил. Здесь покупателей не было, и внучка, свободно прильнув к стеклянной витрине, сразу показала пальцем на торт – самый большой и самый красивый. Деду он тоже понравился, но, когда продавщица озвучила цену, Николай Фомич только крикнул: на торт уходили все его деньги, и те, которыми снабдила жена, и его небольшая заначка. И еще не хватало.

Выручила сама продавщица, наблюдавшая как старичок хлопает себя по карманам и растерянно озирается в надежде увидеть кого-нибудь из соседей. Девушка, как оказалось, была подругой дочери Хромоножкина.

– Не беспокойтесь вы, дядя Коля, – сказала она, – я доплачу сейчас из своих, а вы потом занесете, или Наташа отдаст.

Пока Николай Фомич выбирался из финансовых затруднений, внучка изучала другие витрины благоуханного магазина, вернулась она с девочкой такого же сложения и возраста.

– Можно, мы с Олей погуляем маленько? – спросила она. – Мы быстро...

Не дожидаясь ответа, девочки убежали на улицу.

Продавщица поставила торт в высокий картонный короб, расписанный крупными розами, обвязала его прочной бечевкой и широкой розовой лентой. Из концов ленты она соорудила большой пышный бант. Бант горделивым кивком поприветствовал Хромоножкина и, казалось, шепнул: «Выше голову, старина! Ты со мной уж не тот, что с батоном в авоське!»

И свершилось что-то невероятное!

Нищенка, стерегушая дверь, увидела приближавшийся торт и встрепенулась. Она соскользнула с деревянной скамейки, согнулась в полупоклоне и задрожавшей рукой, как шлагбаумом, перекрыла проход.

– Смилуйтесь, господин, подайте больной одинокой старушке, – загнусавил надтреснутый голос. – Воздастся тебе за твое милосердие, много лет будешь жить ты так же счастливо.

Такого Хромоножкин не ожидал и заметно подрастерялся: в карманах – носовой платок да очки!

– Бог подаст, бог подаст, – залепетал он первое, что пришло ему в голову, и попытался отвести в сторону мешавшую ему руку.

Не получалось: рука была твердой и сильной. Выйти нельзя, противный голос продолжал трубно гундосить, казалось, что бабка нарочно орет на весь магазин, и на них уже смотрят с насмешливым интересом. Положение – хоть провались!

Николай Фомич, сдернув шляпу, вдруг резко согнулся, ужом скользнул под костлявый шлагбаум и ринулся прочь.

Старуха убавила громкость и сменила набор своих пожеланий:

– Чтоб подавиться тебе, окаянному, чтоб торт твой стал глиной, – бормотала она себе под нос и усердно крестилась.

Лишь через несколько метров старик немного опомнился и распрямил спину. Надвинув на лысину пролетарскую шляпу, он покосился на раскрашенный короб: «Какой же ты провокатор, однако!»

А торт продолжал конструировать козни. Николай Фомич еще не успел окончательно прийти в нормальное состояние, как подвергся новому нападению: его частоколом окружили цыгане. Откуда они вдруг появились, он так и не понял. Молодые закланчили у него «хоть копеечку», а старшая, колыхая серьгами и ребенком, изъявила готовность поведать о прошлом, настоящем и будущем «такому красавцу – мужчине».

– Положи денег сколько не жалко, всю правду тебе расскажу. Давай, если хочешь...

– Давать-то мне нечего, – в раздражении прервал ее Хромоножкин. – Нет у меня ничего, кроме этого торта! Позвольте пройти!..

Цыганки не расступались.

– Не скупись, яхонтовый, – не унималась главенствующая. – Все, что было, что будет узнаешь...

– Если ты такая всезнающая, – Николай Фомич ухмыльнулся нервно, – то должна же ты знать, что нет сейчас у меня ни копейки! Ну нет у меня ни гроша! – вскричал он сорвавшимся голосом и стал выворачивать карманы, один за другим, даже нагрудный у пиджака. – Вот смотрите: все пусто!

Цыганки отвязались только тогда, когда он потряс и носовым платком перед ними. Они так же внезапно исчезли, но их оскорбительные насмешки еще долго звучали в ушах ошеломленного старичка. «Почему происходит такое?! Почему я вдруг оказался в центре внимания?.. Неужели действительно – торт?!»

Николай Фомич повертел головой. Народу на улице было немало, но с тортом он никого не увидел. Не то, чтобы с таким огромным и красочным, вообще ни с каким! Несли сумки, кошелки, сетки с картошкой, кто-то потел под мешком с тяжелой поклажей, но никого, чтобы с тортом! «Где торты?.. Возможно, их возят в машинах?..» В памяти всплыл один случай. Однажды они принимали известного профсоюзного лидера, и во время застолья высокий гость пошутил, поднимая коньяк: «Рабоче-крестьянский напиток, который они потребляют через... лучших своих представителей!» Тогда действительно было так: для народных масс коньяк был непозволительной роскошью, и они налегали больше на водку. «А что же теперь? Торт тоже только для представителей?! И тоже для лучших? Для тех, кто катается в иномарках?»

От размышлений над этой гипотезой его оторвал громкий крик: «Мужчина! Мужчина!.. Подождите минуточку!» Кричали с другой стороны переулка. Хромоножкин увидел, что к нему торопится незнакомая женщина. Приблизившись, она понизила голос:

– Я извиняюсь, конечно. Не могли бы вы мне одолжить три рубля на маршрутку: я приехала в гости, а обратно уехать мне не на что.

Николай Фомич круто повернулся спиной и бросил сердито через плечо:

– Нет, не могу! Тоже меня извините...

Он стал удаляться от смутившейся женщины ускоренной поступью с устремленным под ноги почти затравленным взглядом. Он был готов перейти на тротуар, чтобы только скорее укрыться в спасительных стенах от столь избирательного внимания к себе. В том, что причиной такого внимания была его ноша, он был теперь абсолютно уверен.

Дома, за накрытым столом Николай Фомич, еще не остывший от сильных эмоций, глубокомысленно рассуждал:

– Ученые по одной только капле воды способны дать характеристику всему водоему, – изрек он, поведав в подробностях о своем путешествии в кондитерский магазин. – У нас тоже есть своя капля, и есть над чем поразмыслить...

Хромоножкин не сомневался, что ему по силам подобные выкладки: он имел недюжинный опыт в оценки жизненных фактов с позиций марксистской науки. До ухода на пенсию он много лет работал мастером на судостроительной верфи и одновременно был секретарем крупной цеховой партийной организации. Он считался хорошим парторгом. Секретарь райкома как-то сказал про него директору верфи: «Хромоножкин у тебя – молодец: и мыслит масштабно, и языком владеет умело. Люди идут к нему с разными мнениями, а уходят с одним – с его мнением, то бишь – с нашим, с партийным... Забрал бы его от тебя, если бы не его возраст...»

– Итак, – Николай Фомич захватил в свои руки тему застольного разговора, – что мы видим сегодня?.. Народ обездолен, ограблен, унижен. Бедная, серая, безликая масса... Его таким сделали за последние годы. Он стал подобен ребенку, попавшему в лапы бандиту-опекуну!.. Наследство его расхищается, проматывается, опекун купается в роскоши, а ребенка забывают порой накормить!.. Не в интересах бандита ни учить его, ни лечить – пусть растет себе больным полудурком: после спросить не сумеет!.. И ребенок живет как придется: попрошайничает, продает последние вещи, если их еще не успел присвоить бандит, и... уродует опекунские иномарки. На большее его не хватает, и бандит надеется, что и не хватит...

Николай Фомич развернул целую лекцию на тему: «Современные богачи – мошенники, мародеры и кровопийцы». Говорил он внятно и доказательно, он очень хотел донести свою правду до умов и сердец всех, кто собрался за этим столом, но его красноречие увязало в глухоте невнимания. Внучка, пресытившись тортом, чистила языком тонкие пальчики, супруга все чаще убегала на кухню, а зять и Наташа, дочь Хромоножкиных, слушали скорее из вежливости, и иногда переглядывались многозначительно: а не поехала ли у старика «крыша»?

Наконец дочь не выдержала:

– По-твоему, лучше быть бедным и больным, чем богатым и здоровым?! – с откровенным сарказмом спросила она, прерывая его устаревшую философию.

Хромоножкин обиделся.

– Разве я говорю о здоровье?!.. И про богатство, вижу, что неправильно меня понимаешь! Я не против богатства, но не таким же путем его добывать! Или вы сами не видите, что творится вокруг?.. Грабят все и везде, начиная с общего достояния: нефти, золота, газа, рыбных угодий! Грабят с размахом. Без огляду: после нас хоть потоп!.. А сами грабители как проживают? В пьянстве, беспутстве и страхе!.. Да, да – именно в страхе! Они боятся всего: и будущего, и настоящего! Они окружают себя толпами телохранителей! От чего? От безоблачной,

скажете, жизни?.. Не-ет! Жизнь мародера далеко не безоблачна! Мучительна его жизнь, если рассматривать ее объективно!..

– А я бы не против помучиться, – Наташа мечтательно потянулась. – Случай разбогатеть как-то не подворачивается...

– Возможности есть, – Николай Фомич насторожился и вкрадчиво продолжал. – Промышляй на учебе: глухого за деньги – в консерваторию, слепого – в мединститут, на хирурга, в школе – дери за пятерку!.. Ты на такое способна?..

– Кто сейчас свое упускает, – отвечает уклончиво дочь. – Это мелочи жизни.

– Наталья!!! – Хромоножкин хлопает рукой по столу. – Чего ты несешь?! Где же здесь совесть?!

– Совесть?! – Наташа презрительно фыркает. – А кто ее видит?.. Совесть, папуля, – это уже рудимент. Такой же, как и аппендикс, их надлежит удалять в раннем детстве.

Папуля оторопел: и это говорит его дочь?! Педагог, человек с высшим образованием, бывшая комсомолка! Откуда этот цинизм?! Непостижимо!

– А ты как думаешь, Алексей? – обращается Николай Фомич к зятю после оцепенения. – Для женщин, как видно, деньги не пахнут.

Алексей, рослый плечистый парень с коротко остриженной головой и бычьей накачанной шеей, в разговоре, затеянном стариком, до этого не участвовал. Он, бывший морской офицер, а теперь – охранник частного банка, уже вышел из-за стола и, хмурясь, курил у распахнутой форточки.

– С совестью, батя, приходится договариваться, – признался он неохотно, – по-другому не получается – не проживешь, обстановка такая... Ну, спасибо за угощение, нам, пожалуй, пора. Похоже, гроза собирается... А торт ты купил превосходный...

Проводив гостей, Николай Фомич встал у окна. Тучи действительно возвращались. На него опять наплывало уныние, он чего-то не понимал в сегодняшней жизни, вернее, не хотел принимать.

2001 г.

ОТСТАВНИК

Моего соседа, Степана Остапчука, недавно вытурили из органов, он там работал в каком-то секретном отделе, и у нас во дворе его называли Сексотом, само собой, за глаза. Прозвище это за ним так и осталось, хотя сейчас Остапчук уже нигде не работает.

«Вытурили» – это его, Степаново, выражение. Он как-то, подвыпив в день нашей армии, появился в моей сторожке и необычайно разоткровенничался. Называл меня почему-то коллегой, панибратски похлопывал по плечу и изливал, изливал свою душу.

– Двадцать лет прослужил я там верой и правдой, – говорил он обиженным голосом. – И вот тебе нате – не нужен! В отставку!.. На пенсию!.. Это меня-то на пенсию! Да у меня за всю жизнь ни разу нигде не кольнуло! Я здоровый, как бык!.. Хоть сейчас еще выпью бутылку, и ни один врач ничего не докажет...

Он, понятно, расхвастался, но вид у Степана действительно молодецкий: стройный, высокий, жилистый, плечи развернуты... Сейчас молодые ребята – не каждый так выглядит.

Лицом он, правда, не вышел: длинный и широкий, прямо утиный, нос, небольшие круглые глазки светло-серого цвета, белесые волосы, узенький лоб, остренький подбородок.

Я слушал и с интересом посматривал на соседа: таким его я не видел, а он прикрыл губы ладонью, наклонился ко мне прямо к уху и доверительно прогудел приглушенным голосом:

– Только я не согласен на пенсию! Никто не дожидается, чтобы я взял и залег на диване, как сибирский медведь! Чекист не уходит в отставку! Чекист – это призвание, образ всей жизни, тем более, для меня!

Недели полторы после этого разговора я Степана не видел. Его слова о негасимой любви к своей подковой профессии уже позабылись, их я и сразу посчитал не серьезными: чего только не напридумает подвыпивший и обиженный человек. Но не все оказалось так просто.

Однажды, уже в марте, в субботу, когда я заждался трамвай на остановке у центрального рынка, над моим ухом вдруг раздался знакомый приглушенный голос:

– Сергеич, привет! А ты чего тут таишься?..

Я оглянулся – Степан. Он был одет, как грибник: старая шляпа, серый, поношенный плащ, короткие сапоги из резины. Впрочем, и все здесь были одеты не броско. Во-первых, погода: холодно, слякоть, порывистый ветер, а во-вторых – само место: трамвай сейчас – это транспорт для бедняков.

– Да вот..., – начал я объясняться и показал на две сетки, стоявшие возле ног, – за картошкой приехал... А ты чего?.. Как незаметно ты подобрался...

– Я-то?.. – сосед подмигнул мне сереньким глазом и прикрыл рот ладонью. – Любуюсь посадочным материалом.

– Дачей уже обзавелся?.. И где же твой посадочный материал?

Ни в руках у него, ни с ним рядом я ничего не заметил.

– Так вот же он, прямо перед тобой, – Степан очертил полукруг своим выдающимся носом.

Передо мной, сзади и по бокам я видел только плечи и головы горожан, как и я ожидавших трамвая. Я недоуменно смотрю на соседа: «О чем он толкует? Какой материал?»

– До сих пор не врубился? – усмехается Остапчук. – Здесь его целый питомник!.. Ты только послушай, как они шелестят...

Так вот оно что... Я где-то читал, что другие народы, кажется англичане, оказавшись среди незнакомых людей, или упорно молчат, или говорят ни о чем, например, о погоде. У наших – иные манеры. Наши не помолчат ни со знакомыми, ни с незнакомыми. Им все равно

с кем, лишь бы поговорить, а о погоде – в последнюю очередь. Любимая тема – о тяготах жизни и о тех, кто в этом повинен. И всегда получается – о властях.

Так обстояло дело и здесь. Слева, со Степановой стороны, взяли на зуб отцов – президентов. При именах Горбачева и Ельцина презрительно морщатся, кто-то плюется. Путин негативной реакции не вызывает, его даже хвалят: молодой, энергичный, здоровый. Хорошо, что не пьяница – не стыдно выпускать за границу. Находят у него и другие достоинства.

– Жаботитча он о наш, – шамкает старая женщина. – Пенсии вовремя стал выдавать, повышает их поштотанно...

С ней соглашаются, кивают одобрительно головами... Однако трамвая все нет. Люди томятся, холодно, ветер студеный, с морозцем, и одобрительность вскоре тает, как дымка.

– После Горбачева и Ельцина посади хоть черта с рогами – все равно покажется ангелом, – подает желчный голос долговязый небритый мужчина, стоявший в двух шагах от Степана. – Толку-то от того, что пенсии повышают! А цены?! Только заикнутся о пенсиях, а цены уже вверх поскакали, как будто это им сигнал подают!.. Всю прибавку загодя обрезают под корешок... Лучше бы делали молча, а то трезвонят, трезвонят, а на деле получается болтовня. По второму кругу пошли: пенсии опять вырастут до миллиона, а не купишь того, что раньше купить можно было за рубль!

– Он провокатор! – напрягся Степан и впился глазами в небритого. – Сейчас развяжутся зловредные языки...

И правда, едва долговязый обозначил мишень, в нее уже полетели гневные реплики, как комья мажущей грязи:

– Правильно говоришь: по базару хоть не ходи – дерут с тебя, кто сколько хочет! Куда только наши власти глядят?!

– А туда они и глядят – где бы им самим поднажиться! Барыги, думаешь, с властями не делятся?..

– Власти и сами не промах: за свет повышают, за тепло повышают, за газ, за воду, за слив! Да за все повышают! А куда эти деньги идут?.. Да по их же карманам! Какие дворцы себе понастроили на наши кровные денежки!

Стоявший рядом со мной паренек, тоже подал свой простуженный голос:

– А с бензином что делают?.. За один год вчетверо цены подняли! А от цены на бензин все другие цены зависят!.. Совсем доканать нас задумали!..

Долговязый мужик растревожил кровоточащую рану. Говорили уже почти все. Дружно ругали наступившие времена и с тоской вспоминали о прошлом: о бесплатном лечении, бесплатной учебе, символических ценах на хлеб, молоко, транспорт, лекарства. Вспоминали о санаториях, пансионатах, домах отдыха, лагерях пионеров – все это было доступным для каждого. Из прошлого выбиралось все лучшее, светлое, и его набиралось не мало. Парень, что начал говорить о бензине, не умолкал, он утверждал, что тогда его мама на свою пенсию часто летала на самолетах в Москву и всегда прилетала обратно с гостинцами.

Стенания о прошлом вконец возбудили толпу, послышались выкрики: «Антинародный режим! Нас предали!», и другие истеричные возгласы. Какая-то женщина рыдала и иступленно твердила, что вообще наступил конец света.

– Вот расквакались, вот расквакались, прямо как на болоте, – озабоченно озирался Степан, – чего говорят, и сам не понимают! Да их за такие слова!..

Он нервно подрагивал, ноздри его раздувались, глаза загорелись волчьим огнем. Казалось, что он с трудом удерживает себя от каких-то решительных действий.

Сравнение с болотом было, пожалуй, удачным: действительность давно стала смахивать на гниющее и смердящее место, где вопят благим матом обреченные его обитатели. Те, кому некуда улететь, убежать и упрыгать, кто не может кормиться за счет ослабевших собратьев. Да, Степан нашел подходящее слово для характеристики нашего быта, хотя имел он в виду,

похоже, другое... Он и сам походил на болотного жителя в своем сером плаще: длинноногий, с увесистым носом – совсем как болотная цапля, застывшая в охотничьей стойке.

И таких цапель было здесь несколько. В возбужденной толпе равномерно рассредоточились молчаливые серые личности с холодными настороженными глазами. Стало как-то не по себе: а вдруг они начнут действовать?! Ведь там, где не борются с причинами недовольства, борются с недовольными. Проверено временем.

Но, к счастью, все обошлось. Наконец появился трамвай, и не один, а сразу два, и оба с прицепными вагонами. Людей захватили другие заботы – надо как-то уехать, и все бросились к трамвайным дверям.

Сели и мы со Степаном. В трамвае он все кого-то высматривал, хмурился и молчал, а когда мы сошли, промолвил с нескрываемым сожалением:

– Эх, куда подевались те времена!.. Не дождались бы многих неумных голов сегодня домашние!.. Многие отправились бы отсюда на нары!..

– О ком это ты?.. Неужели о тех бедолагах, которые замерзали на остановке?

Степан полоснул меня подозрительным взглядом.

– А ты как считаешь? – спросил он угрюмо.

Я понял, что он помешан на задержаниях, но все же сказал:

– А за что их сажать?.. За то, что они посмели заговорить, что им плохо?.. Что же им молча надо страдать?.. Сажать надо тех, кто привел страну к нищете. Правда, их не найдешь на остановках трамвая. Но, если кого и надо сажать, то именно их! Рыба, как говорится, гниет с головы.

– А чистят ее с хвоста! – отрубил Остапчук. – Так всегда было, и так всегда будет! Запомни это... коллега.

Он похлопал меня по спине и свернул в свой подъезд. Высокий, пружинистый, сильный. Ему бы еще служить и служить... Почему же его отстранили?..

Просилось одно объяснение: обстоятельства изменились – сейчас не сажают за разговоры, даже за речи крамольного типа. Может, и рады были бы посадить, да финансы не позволяют. В тюрьмах же надо кормить, поить, охранять, а на какие, извините, шиши?.. Вся страна в долгах как в шелках!.. Проще прикинуться тугоухим, сделать вид, что ничего необычного не происходит. Ничего не видим, ничего не слышим! Так ведь очень удобно – ничего-то и делать не надо: ни карать никого, ни исправлять положение. Не слышим и – баста! Глухие!

Остапчук, очевидно, не понял, не перестроился, продолжал гнуть по-старому, без учета новых реальностей, вот его и турнули... Хотя, возможно, я ошибаюсь...

2001 г.

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР В ПАЛАТЕ

– Внеземные цивилизации существуют, и их представители регулярно появляются здесь, на Земле, – громко и убежденно заявил Павел Фомич Сергеев. – Это я знаю точно: с одним из них я лично встречался!

Все разговоры сразу затихли.

Здесь, в больничной палате, нас находилось семь человек. Был вечер, уже были исполнены все назначения врача, приняты все лекарства, и мы, собираясь ко сну, лежа слушали радио. По нему только что сообщили о встрече с загадочным неземным существом. Будто бы где-то в горном районе Америки двое охотников набрали на спящего зеленого человечка. Пока они изумленно таращились на него, он пробудился, вскочил на тонкие ножки и моментально исчез, как будто развеялся в воздухе.

– Брехня, – сладко зевая, прокомментировал сообщение Степенев, шофер-дальнобойщик. – Он им по пьяни привиделся. Со мной и не такое случалось. После рейса бывало так надерешься, что...

– Будут тебе пьяные бредни на весь мир оглашать! – перебил дальнобойщика занозистый Пугачев, кладовщик кондитерской фабрики. – Американцы – серьезный народ! Они внимательно все проверят, прежде чем объявлять!

Он встал, выключил свет и увернул радио.

Скептически к передаче отнесся также Смирнов, школьный учитель, сказав, что научно ни кем такие события не подтверждаются, а наговорить можно все что угодно.

– Вы и родной матери не поверите! – начал ерепениться кладовщик. – Сколь очевидцев выступало по радио, по телевизору, а сколько – в газетах!.. И все они врут?.. Там же фамилии ихние, адреса сообщают!.. Кто согласится выставять себя болтуном на смех всем людям?..

Завязался шумный, но пустой, бездоказательный спор, когда сила голосовых связей замечает отсутствие аргументов. Кто-то поддерживал недоверие дальнобойщика, а кто-то принял сторону Пугачева. Говорили наперебой. Сергеев оборвал этот гвалт своим удивительным заявлением.

Сергеева мы уважали. Он был немолодым, спокойным и рассудительным человеком.

– Случилось это в прошлом году, здесь, в нашей области, – продолжил Павел Фомич в заинтригованной тишине. – Я поехал с приятелями на рыбалку. Мы были втроем, на машине приятеля. У нас была надувная двухместная лодка, и мы хотели рыбачить на Волге. Но тогда кто-то должен был оставаться на берегу, а с берега на большой реке, да в июле – разве поймаете чего?.. Я все это прикинул в уме и попросил, чтобы меня оставили на знакомой протоке и забрали на обратном пути. Так мы и сделали.

Павел Фомич говорил не спеша, обстоятельно, однако без лишних подробностей. Слушать его было не утомительно.

– Так вот, ребята уехали, – продолжал он, – а я расположился под деревом, чтобы не торчать на жаре, забросил удочки, сижу, жду поклевки. Задумался. И тут он возник!.. Сначала я услышал его голос:

– А рыбы здесь нет!

– Как это нет?! – откликнулся я машинально. – На днях я тут был и хорошо порыбачил!.. С такими словами я повернулся на голос... Он стоял в чем-то темном, очень походившем на рясу, и опирался на посох. Внешностью он почти что не отличался от нас, землян. Среднего роста, круглое лицо розоватого цвета, небольшая бородка, уши, глаза – в общем, нормальный такой человек славянского облика. И в то же время, в нем было что-то особенное, что-то мистическое, но вот что именно – однозначно не скажешь... Я, оторопевши, смот-

рел на него: откуда он так неожиданно взялся?... Он представился, сказал, что он из соседней галактики. Инопланетное имя его было очень громоздким, а в переводе означало – Предтеча... Он сказал, что сюда прибыл с Марса – там у них межпланетная база, промежуточный пункт. Прибыл он не один, а с группой своих сопланетников для изучения нашего образа жизни, что здесь они уже второй раз, и что очень удивлены изменениями, случившимися после их первого прилета сюда.

Павел Фомич помолчал, и, по тишине столь редкой в нашей палате, понял, что его внимательно слушают.

– Я тут должен немного поправиться, – сказал он. – Никакого звучащего диалога между нами, конечно, не происходило. Все было телепатически: он запускал свои мысли прямо мне в голову и сам же считывал оттуда мои, считывал возникавшую в моей голове реакцию. Со стороны могло показаться, что встретились два чудака и просто пялятся друг на друга. На самом же деле, у нас проходил оживленнейший разговор, насыщенный обмен информацией... Это я сейчас, чтобы передать суть нашей беседы, стараюсь найти подходящее слово, а тогда – одни мысли! Мгновенно!..

Итак, моей первой реакцией было элементарное удивление. Как его неожиданным появлением, так и репликой про отсутствие рыбы... Про себя он мне сразу все объяснил. Сказал и про рыбу: «Здесь вчера тралили браконьеры, все выгребли...» Это было похоже на правду: клева не было, даже мелочь не объедала червей. Я, если честно сказать, растерялся: что в таких случаях делают? О чем говорят? Опыт общения с инопланетными существами пока не накоплен... Марсианин – я буду так его называть – какое-то время молча посматривал на меня, а потом я почувствовал, как в мою голову полились его размышления. Он сказал, что, по их наблюдениям, в нашей стране происходит что-то неладное. Дескать раньше, в его первое посещение Земли, а это было, как я его понял, в семидесятые годы прошлого века, он видел здесь плодотворную жизнь людей в городах и деревнях. На полях работали тракторы, комбайны, поливальные агрегаты. На реках плавали теплоходы и баржи. Работали фабрики и заводы. Сейчас все это свернулось, хотя, по его пониманию, должно было развиваться и множиться... Изменились и люди: стали нервными, злыми, завистливыми. Во всех делах ищут личную выгоду, даже в отношениях с ближними. И его поражает такое: ищут выгоду в частностях, в мелочах, а по крупному счету – ее упускают, наносят урон своему общему достоянию... И результат: вместо продвижения вперед в общем развитии – полная деградация, вместо улучшения жизни – обвальная нищета и разруха!

– Ты встретил не марсианина, а махрового коммуняку! – донесся из угла комнаты тонкий голос Калюжного, старожилы больницы палаты. – Так только они рассуждают! Они, видать, и на Марсе всем мозги заморочили!..

Калюжному сейчас жилось нелегко. У него от плохого питания и тяжелой работы – он был грузчиком на оптовой базе, – произошло опущение почки. Ему нужна была операция, но денег у него на нее не было.

Калюжный знал, что в советское время операцию ему сделали бы бесплатно, однако даже этот неопровержимый факт он упрямо не принимал во внимание при разговорах о коммунистах. С ними у рода Калюжных были давнишние счеты. Его дед, кулак из тамбовской деревни, был репрессирован большевиками. Отец отсидел в тюрьме срок за крупную спекуляцию, за деяние, которое красуется сейчас на пьедестале почета и называется уважительно бизнесом. Насолили коммунисты и отпрыску – он не смог поступить на учебу в выбранный вуз по причине потомственной неблагонадежности. Ненависть Калюжного к коммунистам была негасимой.

Сергеев же, (об этом я узнал много позже) был не только убежденным приверженцем коммунистов, но и одним из самых активных членов упраздненной КПСС. Он, по словам моего

знакомому, знавшего Сергеева еще по тем временам, долго работал в райкоме коммунистической партии заведующим каким-то отделом.

Он мог бы ответить на язвительный выпад Калюжного еще более язвительным замечанием относительно сегодняшней власти, оснований для этого – масса. Большинство из лежащих в палате одобрили бы, я полагаю, самую резкую отповедь ненавистнику коммунистов: мы помнили, что при них нам жилось лучше намного.

Но Сергеев поступил по-другому. Он как будто согласился с Калюжным:

– Вы знаете, и у меня мелькнула такая же мысль, – сказал он доверительным тоном. – Думаю: неужели и там, откуда он прибыл, тоже знают о коммунизме? Думаю: а ты, неземлянин, сам-то, часом, не коммунист?.. Он прочитал эти мысли, и знаете, как он ответил?..

Мы молча и заинтересованно ждали. Рассказ походил, конечно, на байку, но важнее было другое: обозначена злободневная тема, и хотелось ее толковой раскрутки.

– А он задал мне встречный вопрос, – произнес интригуяще Павел Фомич. – Он спросил: «Назови мне, пожалуйста, то, что ты видишь порочного в коммунизме?.. Назови хотя бы самое главное...»

– И ты опять растерялся, конечно? – захихикал Калюжный. – Эх, мне бы там оказаться! Уж я бы не растерялся! Я бы выложил всю правду-матку этому посланнику с неба!

– Вот даже как?! – удивился Сергеев. – И что же вы бы назвали?..

– Да уж есть, что сказать!..

– И все же?..

– Сказал бы, как они сгубили тысячи невинных людей! А за что?.. Только за то, что они не хотели вступать в их колхозы, или кто слово какое сказал против партии!

– Так, хорошо, – одобряет Павел Фомич, – назовем это таким образом: насильственное внедрение своей идеологии и своего образа жизни! Раз!.. Правда, здесь большевики ничего нового не придумали, не они одни прибегали к насилию, чтобы установить свой режим. Даже религия внедрялась насильно: вспомните походы крестоносцев. А Гитлер со своим арийским порядком?! А та же Америка с внедрением своего хваленного образа жизни во Вьетнаме и на Ближнем Востоке?.. Впрочем, я большевиков в этом совершенно не защищаю, насилие не приемлемо!.. Итак, насильственные действия, раз!.. Еще что?..

– А с меня и этого много! – с вызовом ответил Калюжный. – Родного деда ни за что расстреляли!

Потом он, подумав, все же добавил:

– При их правлении всего не хватало. Все в дефиците, за всем очереди. Если захотелось чего-то купить, то только по блату!

– Принято, – согласился Сергеев. – Перекосы в распределительной системе. Два!.. Но, уважаемый, в одном вы не правы: вы сказали сейчас, что при коммунистах всего не хватало. Это не совсем так. Если сравните количество выпускаемой продукции на одного человека в последние годы советской власти с тем, сколько производят сейчас, вы ужаснетесь! Всего стало меньше, и многократно! Товар на прилавках лежит только по причине недоступности цен! Весь ширпотреб – импортный!.. Но, очереди и распределение, как вы сказали, по блату, действительно было такое... Считаю и этот порок. Два!.. Еще?.. Может кто поможет Калюжному?..

– Демагогия! Обман трудящихся масс! – подал голос Невзоров, стрелок вооруженной охраны. – Провозглашали одно, а на деле было другое!.. Слышь-ка, Фомич! Помнишь, как было тогда: улыбаются, мужики целуют в губы друг друга, орденами сами себя награждают! Тьфу! Вспомнить противно!.. А кто начальника пониже лизнет, того и продвигают по службе!

– Так, лицемерие, демагогия, протекционизм. Три! – продолжал считать Сергеев. – Добавим – культ личности. Еще что?..

Мне показалось неудобным отмалчиваться, и я вставил негромко:

– Планирование... Планировали все, даже сколько надо сделать патефонных иголок, что и в какой день начинать сеять, а главное проморгали... Компьютеры, например...

– Четыре, – считал невозмутимо Сергеев. – Полагаете, что плановое ведение хозяйства – это отрицательный фактор?.. Ну, да ладно. Четыре!.. Еще что?

Это стало походить на игру, она как-то увлекла всех. И хотя обитатели этой палаты, исключая, конечно, Калюжного, были не против возвращения советского строя, с коек то и дело слышались реплики, содержавшие критику свергнутой власти.

Азарт иногда затмевает рассудок, и мы, подчинившись азарту, изошренно порочили прошлое. Мы очень старались, но все наши реплики, при всей их горячности и разнообразии в выражениях, по существу сводились к тем емким понятиям, которые уже сформулировал Павел Фомич: перекосы в управлении народным хозяйством, прикрываемые демагогией и насилием.

Наконец изобретательность наша иссякла. Поняв, что больше ничего из нас он не выжмет, Сергеев сказал:

– Говоря откровенно, примерно такое же и я высказал марсианину. Включая планирование, хотя сам я сильно-таки сомневаюсь, что планировать – это плохо. Я включил это в список пороков еще потому, что не вы один видите в планах ненужность. Такие есть даже в правительстве! Они там надеются, что все как-то само собой образуется! Мы видим, что у них получается!.. Так вот, все это я сказал марсианину. Сказал даже больше – про церковь!.. Я убежден, что с религией тогда поступали по-глупому! Церковь пробуждала в человеке полезные качества. Церковь внушала: не обмани, не укради, не убей, давала другие хорошие наставления. Зачем же церковь-то надо было притеснять и третировать?..

– И что?.. Утерся небесный посланник? – спросил ядовито Калюжный.

– Должен вас огорчить, – ответил Павел Фомич. – Нет, он не утерся, он озадачил, скорее, меня. Он повторил все, что мы сейчас называли, и сказал: «Я спрашивал тебя не об этом! Я хотел знать, что плохого ты видишь в самом коммунизме? В идее, в сути его?.. А ты рассказал мне о том, как у вас его строили... Я спросил, если говорить фигурально, о модели, фасоне одежды, а ты перечислил только огрехи портного!» И в этом я вынужден был с ним согласиться: ничего относительно сущности коммунизма в моих откровениях не было...

Вот так марсианин отнесся к называемым нами порокам. Они, дескать, не характерны для формации коммунизма, они органично присущи той суррогатной формации, в какую нашу страну сейчас опустили... Я долго думал над этим, – признался Павел Фомич, – и пришел к выводу, что марсианин был безоговорочно прав!.. Там, где смыслом жизни стала прибыль, нажива, там уже нет места понятиям: честность, порядочность, человечность... Давайте попробуем поразмыслить: лучше ли стало народу в новых условиях жизни, исчезли ли те пороки, которые мы вменяем в вину коммунистам. Срок с окончания их правления прошел довольно большой, и есть основания сравнить советскую власть с нынешней властью...

Сергеев приглашал к размышлению. Мы размышляли, конечно, но молча, и он опять заговорил сам:

– По моему мнению, простым людям жить лучше не стало, а пороки не только не исчезли, они усугубились... Насилие?.. Сейчас насилие – сплошь и рядом! На всех уровнях и во всех вариантах!.. Лицемерие, демагогия?.. Тоже хоть отбавляй!.. Чего там еще?.. Недостатки в управлении народным хозяйством? Сейчас оно вовсе не управляется! Власти демонстративно устранились от управления, это их принцип!.. Пороки нет, не исчезли. Они возросли, они доминируют! Хуже того, к тем порокам прибавились новые! Такие, про которые при коммунистах даже не слышали: грабеж общенародного достояния кучкой приближенных к правительству лиц!.. За считанные годы награбили миллиарды! И счет идет не в рублях, а в международной валюте! Имена этих грабителей всем известны! Они обворовали народ и продолжают его обворовывать!.. У лиц, приближенных к властям – миллиарды, а что у народа?.. Безра-

ботица, беспризорщина, проституция, бомжевание!.. Слышали вы об этих явлениях при коммунистах?.. Население страны вымирает. Каждый год смертность превышает рождаемость на серьезные цифры. Семьдесят процентов населения живет в нищете, многие голодают! Вы только задумайтесь: большая часть населения загнана в нищету!!! Что же у нас за власти такие?! Как их прикажете называть?..

Сергеев разбередил, во всяком случае у меня, сильные и сложные чувства. Он ничего не выдумывал, говоря о баснословных богатствах горстки наглых хапуг, пригреваемых властью, и кошмарной нищете большинства населения. На этом фоне как-то по-доброму виделось прошлое. Да, были ошибки, но на них учатся! Коммунисты получили жестокий урок, и если они оправятся, действовать будут самокритичнее и мудрее.

Наверно, не я один думал так, переваривая молча слова коммуниста Сергеева, помалкивал даже Калюжный. Но Пугачев!!! Его голос был желчным:

– А как с гласностью было при коммунистах?! Со свободами слова?.. Об этом забыли?..

Ну что у него за характер?! Гласности ему, видите ли, не доставало! Кладовщику!.. Да эту братию полоскали в газетах едва ли не ежедневно! Нормальные кладовщики откупались от гласности, сидели себе в своих норках-конторках и молча хрумкали складские усушки-утруски. Они старались затаиться в тени, а этот!..

– И свобода слова была! – жестко ответил ему Павел Фомич. – В интересах трудового народа!.. Вот с этих позиций – пожалуйста, проповедуй, пиши, критикуй! Но обоснованно и конструктивно! Конструктивная критика очень ценилась! И обратная связь была обязательной! Всегда извещали о том, что, где, когда и как сделано по публикации, какие были приняты меры! Критика была действенной! А сейчас?! Говорят все и про все, а толку?.. В чьих интересах такая свобода?.. Свобода пропаганды разбоев, разврата, убийств!.. Пропаганда всего, но только не уважительного отношения к труду!.. Есть ли здесь интересы народа?..

Сергеев учащенно дышал, как видно, разволновался.

– Но может быть я не прав? – спросил он немного спокойнее. – Поправьте, скажите, какие вы видите сейчас преимущества перед советской системой?..

В палате долго царило молчание.

– Да, жизнь теперь стала – ни к черту! – наконец отозвался Степенев. – Взять хотя бы бензин. Раньше его – хоть купайся: дешевый. У меня катер был с двумя подвесными, осенью как закатись на охоту на взморье!.. Теперь – только воспоминания! Такое недоступно даже шоферу при теперяшних ценах!.. А ведь цены на топливо за собой многое тянут...

Приятное в прошлом было у всех. Мы расслабились, позабыли про болезни и боли и заговорили об охоте, рыбалке, курортных сезонах. Стрелок ВОХРа мечтательно вспоминал о своих ежегодных поездках по Волге на пароходах. Все это тогда было доступно любому простому рабочему человеку.

С радужных небес опустились на землю, вернулись в сегодняшний день – глухая тоска!! Мысли опять заработали на уровне живота.

Мы почти позабыли о марсианине, а с него начался этот грустный анализ нашей собственной жизни. Сергеев напомнил о нем:

– Все мы здесь не Абрамовичи и даже не Черномырдины, все мы сейчас прозябаем, всех нас окунули в дерьмо!.. Но перед пришельцем мне было стыдно за это, было стыдно казаться каким-то безвольным, униженным, безответным! И я совершенно неискренне сказал то, что нам повседневно внушают: коммунизм – это утопия! Это несбыточная мечта фантазеров! Зачем же заниматься несбыточным?.. И к этим словам марсианин отнесся серьезно. Он мне ответил, что несбыточность мы сильно преувеличиваем, что у них, дескать, тоже недавно

считали утопией посещение нашей планеты, однако ж – он здесь! И он, дескать, знает, что коммунизм не утопия, а неотвратимая неизбежность! Он объяснил, почему так считает... Упрощенно, звучит это так... Все люди на Земле изначально были созданы равными, с равными правами на земные богатства, на их добычу, переработку, на плоды труда своего. Путем обмана, насилия, хитрости одна часть людей лишила другую этих божественных прав. Марсианин при этом отметил, что в нашей стране такие процессы сейчас продолжаются, и происходят они особенно гнусно... Итак, совершено вероломное нарушение первозданного равенства, поэтому возникает насущная и объективная потребность его воссоздания, восстановления исторической справедливости. Эта потребность растет и будет расти с ростом самосознания Человека. С ростом его самоуважения, чувства собственного достоинства. На этой почве в обществе вызревает социальный конфликт, возникает и прогрессирует взрывоопасное заболевание, панацея для которого – коммунизм! Коммунизм необходим объективно!.. Вот такую логическую цепочку выстроил марсианин на основе анализа нашей жизни.

– А как он определяет понятие коммунизм? – спросил Смирнов совершенно серьезно. – Что это такое в его понимании?

Неужели учитель все же поверил в реальность беседы Сергеева с мудрецом – гуманоидом?.. Но вопрос он задал интересный: представление о коммунизме стало как-то стираться из памяти, а стараниями разнузданных СМИ само это слово стало превращаться в символ чего-то мрачного и жестокого.

– Он сказал так, – ответил Павел Фомич, – коммунизм – это общество, излеченное от болезни социальной несправедливости. Просто и емко. Все дело – в лечении этой болезни, в ее осознанном врачевании. А оно может быть и щадящим, и хирургическим. Поэтому, по словам марсианина, к коммунизму протянуты разные рельсы. В том числе, с рыночной экономикой, где государство само является ведущим производителем и активным участником рынка, особенно во внешней торговле... Излечить тяжелый и далеко зашедший недуг, конечно, не просто, но главное в этом – желание, цель, стремление к созданию здорового общества! Марсианин сказал, что иметь такую высокую, объединяющую народ цель – это великое благо, и что мы этим благом владели. Но путь, на который мы встали, не был самым удачным. К объективным препятствиям на этом пути мы усердно прибавляли свои, субъективные, и нагородили их столько, что они заслонили собой великую и благородную цель, породили другие задачи – устранение своих же ошибок и заблуждений. Движение забуксовало, светлую цель затоптали негодными средствами!.. Но все же, как сказал марсианин, даже в этих условиях у нас уже появились зачатки, ростки справедливого общества! Сейчас их рвут с корнем, истребляют, но во имя чего – никому не известно!.. Марсианин назвал это кощунством...

Сергеев глубоко и шумно вздохнул.

– Мне очень хотелось узнать, – сказал он с заметной грустинкой, – как же следует поступать, чтобы хорошие цели не губились негодными средствами?.. Уверен, что у него был ответ и на этот вопрос, но нам помешали: возвратились мои приятели. У них там, на Волге тоже что-то не ладилось, и они вернулись ко мне. Я на секунду отвлекся, а когда опять повернулся – марсианин исчез.

Сергеев умолк. Молчали и мы, думая об услышанном.

А ночью мне снился сон. Как будто мы всей нашей захиревшей палатой оказались невольно на каком-то фантастическом шоу, на поле чудес, и нас развлекают. На огромной эстраде в роскошных нарядах или вовсе без них, нагишом, беснуются дорогие певуны и певуны, и зубоскалят модные столичные смехачи. На заборе-экране непрерывно крутятся фильмы, где молодые ребята убивают друг друга, в основном, из-за денег и попутно имеют голенастых развратниц. За столами из хрусталя пируют именитые гости. Это наши избранники – депутаты и президенты. Шоу многим из них по душе, но наше присутствие их раздражает, и они

с брезгливостью смотрят на нашу компанию. Мы же, разинувши рты, глазеем на празднество, а за нашими спинами жуковатые дяди переносят из наших домов в свои закрома самые ценные вещи.

Над полем висит НЛЮ, в открытом иллюминаторе виднеется голова марсианина, он с сожалением смотрит на нас и крутит у виска указательным пальцем.

2002 г.

ДОСТОЯНИЕ БЕДНЯКА

Осень в этом году как будто забастовала – уже к финишу мчится октябрь, а на дворе настоящее лето: солнечно и тепло. В такую погоду хорошо быть за городом, бродить с кузовком по золоченому лесу или сидеть расслабленно с удочкой на берегу полусонной речушки.

У Сергея Гречухина таких возможностей нет, их с потрохами съедает работа, работа по черному найму на частника при центральном городском рынке. Здесь все замешено на деньгах – и время, и отношения, и помыслы, и поступки, все спрессовалось в липкий ослизлый комок, в середине которого – деньги. Но деньги зачастую только маячили призрачно, как миражи, не воплощаясь в реальность. Подобно прыщам, возникали какие-то новые обстоятельства, что-то вдруг оказывалось непродуманным, недосказанным, недопонятым. Приходилось что-то доделывать, отстаивать, исправлять, и все второпях, все на нервах, какой уж тут отдых!..

А на днях на Сергея свалилась совсем уж нелепая неприятность, дурацкая, по его оценке, болезнь: у него воспалился коленный сустав. Казалось бы, чепуха, а нога отказала, без болей невозможно стало ею даже пошевелить, не то, чтобы выйти из дома. И теперь все прелести загулявшего бабьего лета он может созерцать только с балкона, со второго этажа многоквартирного дома, стоящего в шеренге таких же стандартных одноликих домов на городской окраинной улице.

Оставаясь в квартире один, – сын уходил утром в школу, а жена на работу, – Сергей потихоньку ковылял на балкон, опускался в потертое кресло и, чтобы не поддаваться влиянию скорбных эмоций, усилием воли направлял свое внимание на то, что происходило на улице. С балкона он хорошо видел лица прохожих, слышал, что они говорят, оставаясь для них невидимым, и это хоть как-то его развлекало, он уходил на какое-то время от назойливых болей и от подсчета неизбежных потерь, привнесенных коварной болезнью.

Внизу, почти под самым балконом, у входа в продовольственный магазин было всегда оживленно. Там располагилась с нехитрым товаром – калеными семечками бойкая, не совсем старая женщина. Она жила в этом же доме, но Сергей знал о ней пока очень немного, только, практически то, что зовут ее тетя Марина. С тазиком, наполненным серо-черными семенами подсолнечника, стаканом и низкой скамейкой она приходила сюда ежедневно. Ее товар имел спрос, возле нее то и дело вставали прохожие, знакомые делились с ней новостями и своими заботами, и Сергей, бесшумно сидевший над их головами, становился молчаливым участником этих бесед. Так было позавчера и вчера, так, похоже, будет сегодня.

Вот к тете Марине подошла невысокая женщина с гладкой прической и с авоськой в руке. Тетя Марина приветливо поднялась ей навстречу, и женщины потерлись щеками, имитируя поцелуй. Потом они сразу затараторили, перебивая друг друга восклицаниями и вопросами. Говорили о многом, иногда по-разному относясь к предмету внимания, но в отношении собственного здоровья и розничных цен мнения их совпадали до идентичности – положение ухудшалось, они совпадали и в определении причины – власти во всем виноваты!

Этот вывод показался Сергею логичным: и в безудержном росте цен и тарифов, и в нездоровье людей власти были виновны безоговорочно. Впрочем, была и другая причина заговорить о властях: начиналась кампания выборов в Думу, в законодательный орган, высиживающий такие законы, от которых корчится в муках большая часть населения страны.

– Вот на выборах люди им и покажут козу! – с явной надеждой на перемены к лучшему говорила тетя Марина. – Надо же, какие стали порядки: одни, кто наглее, как свиньи в грязь, закопались в богатство, а другим, простым людям, достаются только объедки!

Из слов возбудившейся женщины Сергею становилось понятно, что живет она плохо, что своим семенным бизнесом занялась она не от скуки и не от страсти к торговому делу. Она помогала выживать своим близким. И то обстоятельство, что приходилось им выживать, но не жить по нормальному, ее возмущало. Она говорила с обидой про то, что всю свою жизнь она честно трудилась на государство, а это самое государство ее, престарелую женщину так бессовестно облапошило, что даже признаться в этом ей стыдно.

– Живем в нищете! – восклицала она. – Стыдно стало даже гостей к себе пригласить, потому что попотчевать нечем! А те, кто у власти, все гребут и гребут под себя! Все никак не насытятся! Мужики не просыхают от пьянства а их шалавы по пять раз на день наряды меняют! Сама по телевизору каждый день наблюдаю! Гнать их всех надо поганой метлой, а выбирать только тех, кто позаботится о народе!

Реакция собеседницы тети Марины на ее гневную речь была неожиданной:

– А я на выборы уже давно не хожу, – призналась она. – Ну их к шутам: ходи не ходи, а все равно по-нашему не выходит...

Заметив изумление на лице подруги, она смутилась и стала как бы оправдываться:

– Все кандидаты ведут себя одинаково: до выборов обещают горы из золота, а как дорвутся до власти – о своих обещаниях сразу забыли! Ни к кому не достучишься потом со своими болячками. Теперь уж не верю я никому, все они, получается, болтуны и вруны! Нечего их выбирать: только время тратишь впустую!..

Сергей к выборам относился индифферентно: ходил иногда, когда было хорошее настроение или компания. Но чаще всего не ходил и не видел в этом ничего нехорошего. Он был уверен, что выборы – это простая формальность, что где-то там, наверху уже все давно порешали, что от его личного мнения абсолютно ничего не зависит, и уж тем более – не изменится. И все же он не мог не признать разумность реплики тети Марины:

– Чего же ты тогда возмущаешься?.. Только что сама кляла власть за несносную жизнь, и тут же – на выборы не хожу-у! Тебе предоставлено право решать, кого ставить у власти, может это единственное, что ценного осталось у бедноты, самое дорогое его достояние!.. Ты не ходишь, так ходят другие! Они-то и навывирали нам таких, что одно только горе от них!.. И в этот раз выберут!

Тетя Марина была явно мудрее своей собеседницы, и Сергей невольно подумал, что она мудрее и его самого.

– А я вот, хожу! – с вызовом сказала она. – Не участвовать в выборах сейчас может тот, у кого все устроено, кому и так хорошо!.. У тебя сейчас все хорошо?..

– Какое! – смутилась подруга. – Живем на одну мою пенсию, а какая она – сама понимаешь!.. Мясо видим только по праздникам... Но толку-то от того, проголосую я или нет? Чего решает мой голос?.. Он, как песчинка на морском берегу...

Эта женщина пыталась оправдать свою точку зрения.

– Это почему же один? – не согласилась с ней тетя Марина. – Как ты считаешь?.. Пенсионеров в стране около сорока миллионов, почти половина всех избирателей! И все они такие же нищие, как и мы! Вот и прикинь: если все пенсионеры, только они одни, проголосуют за своего человека или за партию, то победа им уже обеспечена! А среди недовольных сейчас не только пенсионеры! А безработные?! Те, которых вынуждают кормиться позорными средствами: спекуляцией, воровством, разбоем и проституцией! А молодежь, которой перекрывают дороги к учебе?! Молодежь и та уже понимает, что из нее задумали сделать полуграмотных слуг! Прибавь их всех к сорока миллионам!.. А теперь посчитай по-другому – все стали думать так же, как ты: так мол и так, от меня ничего не зависит, и на выборы не пойдут. Какой тогда окажется результат?.. Молчишь?.. Тогда скажу я – будет так, что и сейчас: в депутатах опять окажутся одни пустобрехи и лизоблюды!

Тетя Марина села опять на скамейку, зачерпнула на ладонь семечек, снова ссыпала их в тазик и сказала, передернув плечами:

– А уж если тебе никто не по нраву, – голосуй против всех! Тоже будет понятно... Но не ходить – просто грех, я, лично, пойду обязательно.

– И правильно сделаете! – донесся до Сергея хрипловатый басок, и из зоны, не просматриваемой с балкона, к женщинам выдвинулся сторбленный мужичок в соломенной шляпе. – Я с интересом слушал ваш разговор, – слегка поклонился он тете Марине, – и не могу не одобрить все ваши слова. Вы абсолютно верно отметили: право на выборы – вот, что остается у нас действительно ценного! У меня тоже есть один из знакомых, вернее, – племянш. Он тоже заладил: я, дескать, нашел свою нишу, мне хорошо, и мне наплевать, кто там будет у власти! Вот дурачок! А еще – инженер, человек с высшим образованием! Работал когда-то даже начальником цеха, а сейчас – спекулянт! Торгует привозным лесом – вот его ниша! Я ему говорю: ты – простой спекулянт! И твоя ниша – это дыра в трухлявом полене! На него любой может ногой наступить и разрушить!.. Куда тебе – не понимает! Живет одним днем!

Сергей из-за шляпы не мог видеть лица говорившего, не мог определить его возраст, но, судя по здравому смыслу, это был человек с немалым жизненным опытом, скорее всего, пенсионер, потому что свои рассуждения он начал строить на примере пенсионной системы.

– От того, кого мы выберем в Думу, только и зависит наша судьба! Возьмите пенсионный закон! Каким он был, когда большинство в Думе держала партия коммунистов?... Не помните?... А тогда было так: пенсию назначали по стажу работы, суммы твоего среднего заработка и по его отношению к средней зарплате в стране. По этим данным устанавливали коэффициент каждому пенсионеру, постоянный коэффициент, чтобы в дальнейшем, при росте средней заработной платы в стране, пенсионеров не обижали! Коэффициент автоматически умножался на процент роста зарплаты... И так было по-справедливому: растет уровень жизни, люди получают большую зарплату – жизнь улучшается и у стариков. Все были довольны. Коммунистов потеснили в Думе, из-за нас потеснили! Из-за тех, кто не ходит на выборы, и новые думцы сразу подрубали пенсионеров под корень – тот закон заменили на новый! А что по нему?... Пенсии тоже вроде бы обязаны повышать, но принцип другой – компенсировать рост инфляции! То есть оставили стариков на постоянно при нищей суме! По первому закону у меня пенсия была бы раза в три больше, чем я сейчас получаю... Вот, что бывает, если не ходишь на выборы или не за того голосуешь...

Мужчина еще какое-то время излагал свою точку зрения на выборы, потом спросил у тети Марины:

– А вы, извиняюсь, за кого будете голосовать?..

– Я еще не решила, – уклонилась та от прямого ответа, – еще надо хорошенько подумать...

– За ЛДПР голосуй, мать! – раздался звонкий молодой голос, и у тазика с семечками появился парень спортивного вида с толстой коротенькой шеей и наголо остриженной головой. Он был полон энергии и дергался телом, как застоявшийся конь.

– А какой мне прок будет от этого? – осведомилась тетя Марина, опасливо взглянув на этого молодца.

– Самый значительный! – заверил молодой человек. – Можешь не сомневаться!.. Если мы придем к власти, никто уже не будет сидеть на ветру и продавать стаканами эту... продукцию!

Парень брезгливо поморщился, но спохватился и начал с пафосом декларировать:

– Мы сделаем вам утепленную будку, проведем в нее свет, сделаем водопровод и канализацию, вы сможете не выходить из нее круглыми сутками! Семечки вам будет доставлять сюда наша машина! Мы поставим здесь пост, чтобы вас охраняли, проведем сюда газ! Семечки будете жарить на месте!

Энергичный молодой человек бойко сыпал на голову ошарашенной женщины различные фигли-мигли о прекрасной будущей жизни торговли калеными семечками, только бы она проголосовала за ЛДПР. Узнав, что у тети Марины имеются внуки, он совсем загорелся:

– Внуки ваши будут учиться в элитных школах! Все школы будут элитными! Мы в школах изменим весь учебный процесс! Сейчас в школах учеба – каторжный труд, мы его упраздним! Дети будут учиться играючи! Урок будет не сорок пять минут, как сейчас, и пять минут – перемена, все будет наоборот: пять минут детишки будут учиться, а сорок пять – отдыхать! Из них выйдут превосходные ценители отдыха!.. Отдыхать будут все люди!..

– А кто же, простите, будет работать? – не выдержал мужчина в соломенной шляпе.

У тастика с семечками появилось еще несколько человек, их привлек громкий голос молодого оратора. Он был рад такому вниманию, и на ехидный вопрос соломенной шляпы ответил горделиво-запальчиво:

– Работать лошади будут!.. Лошади и машины! Машины – железные. Пусть они и работают, а люди должны отдыхать! Хватит! Они уже наработались!.. Вы посмотрите на женщин – унылые изможденные лица! Какие из них женщины?!.. Женщины созданы для любви! Мы освобождаем от работы всех женщин! У всех будет все, кто чего пожелает! Как только нашу партию выберут в Думу, все переменится!

– Но вы и так сколько лет уже в Думе, – заметил кто-то резонно.

– Хороший вопрос! – воскликнул радостно парень. – Да, мы были во всех уже Думах, но нас очень мало! Нам мешают работать! Особенно коммунисты!.. Они уперлись в свои бредовые догмы и вставляют палки в колеса истории! Голосуйте только нас!!

Молодой человек повел вокруг себя огненным взглядом и, пообещав придти сюда еще раз, удалился.

Сергей, прослушав его трескучую речь, подумал: «Интересно, чего бы мне наобещал этот петух, узнай он о моих неприятностях?.. Сказал бы, наверно, что они, придя к власти, заставят хозяина ластиться возле меня, а не клевать меня вороном, ради собственной выгоды».

Проблемы в отношениях с хозяином у Сергея были всегда, но сейчас из-за этой обидной болезни, они могли разрастись и до разрыва всех отношений. Когда Сергей не смог подняться с постели и сообщил по телефону хозяину, что заболел, тот ответил сухо и коротко:

– Болей, чего здесь поделаешь? Я как-нибудь выкручусь...

Сергей ясно представил себе дальнейшую ситуацию: на его место сразу поставят другого – сейчас безработных людей предостаточно, а вот как будет с ним? Юридически он сам – безработный: никаких договоров хозяин заключать с ним не стал: приходи, работай, получай за день на руки. Ни приказа о зачислении, ни записи в трудовой книжке, а значит – ни больничных, ни стажа работы, ни отчислений на пенсию... До болезни эти вопросы Сергея как-то не очень тревожили: он еще молод, здоров – как-нибудь все образуется. Сейчас они поднялись перед ним в угрожающий рост, и решения их пока он не видел.

Вывел его из удручающих размышлений шум, возникший на пяточке возле тети Марины. Там заспорили двое мужчин, оба в приличной одежде, оба почтенного возраста, оба с лысиной на затылке. Только один был ростом пониже, потолще, и с клюшкой, второй – значительно выше и тоньше.

Разными у них были не только фигуры, но и мировоззрение. Оно соответствовало, очевидно, их не равному материальному положению. В руке у высокого была авоська с картошкой, немного: килограмма полтора-два, не больше. Толстый напряженной рукой удерживал сумку, из которой торчали наружу два хвоста колбасы. Он ворочал в стороны головой и защищал существующие порядки: все сейчас хорошо, все идет так, как надо, а кто недоволен, тот сам себе виноват – надо шевелить мозгами и пальцами. В качестве главного аргумента улучшения

жизни в стране он приводил положение, в каком страна оказалась при Ельцине и то, что стало сейчас.

– Нашел, кого ставить в пример! – выкрикивал тощий. – Пьяницу, клятвопреступника, оборотня!..

«Вот мужик разошелся! – усмехнулся Сергей. – По виду – интеллигент, может, учитель. Допекло его, видимо, так, что он уже ничего не боится: вон какие тирады! И не о ком-нибудь из соседей, а о самом Президенте страны, неважно, что бывшем!.. Жизнь заставляет его вопить благим матом».

Но толстый упрямо стоял на своем:

– Ельцина выбрал народ! Значит, он был нужен народу таким, какой был!

– Народ об-ма-нули! – выкрикивал тонкий голосом, срывающимся на визг. – Неужели это не ясно даже теперь?!.. Наболтал, наобещал несусветного, своей жизнью поклялся, что при нем никому хуже не будет, а сам всю страну пустил под откос! Взорвал, как диверсанты взрывают пассажирский состав!.. Я вот сейчас из аптеки иду, – сменил неожиданно он масштаб рассмотрения проблемы, – все деньги там оставил, а то, что купил, не уверен – поможет ли мне!.. Вчера по телевизору передали, что в аптеках больше половины лекарств фальшивые! На всю страну передали эту страшную весть! А власти тоже, наверно, слушают эти известия!.. Слушают и помалкивают!.. А может, им это и надо?.. Чем меньше нас будет, тем уютней им будет сидеть в своих резиденциях!.. Не дай бог на этих выборах опять ошибиться!..

– А как угадаешь, кто из них кто? – слышится голос тети Марины. – Все они говорить научились так, что заслушиваешься.

– Нет, судить о них уже можно, – отвечает высокий спокойнее. – Партии – те же. Вспомнить надо про то, что они обещали перед прошедшими выборами, и что они делали в депутатах, что сделали из того, что раньше наобещали... Сравнивать можно, фактов достаточно...

Высокий поискал глазами своего жизнерадостного оппонента, но тот уже куда-то исчез.

Пятачок под балконом напомнил Сергею агитплощадку, на которых в советское время собирали народ для различных идеологических обработок, для прочистки мозгов. Здесь он собрался стихийно, без предварительной подготовки. У тастика с семечками то и дело менялись ораторы, говорили они горячо, от души, но все речи были практически об одном – жить стало хуже, жизнь стала невыносимой... Каждый приводил факты в подтверждение своих неутешительных выводов. Факты впечатляли, каждого хватило бы на законное заключение: сейчас в государстве не все в порядке относительно справедливости, но вот парадокс – обилие фактов снижало значимость каждого. Чем больше людей говорило о своих злоключениях, тем больше не хотелось их слушать. Приелось! У Сергея вновь разболелась нога, и он с чувством омерзения к кровососам, пробравшимся к власти, перешел в комнату, сел на диван и включил телевизор. Ему хотелось чем-то отвлечься, увидеть что-то приятное для души, но и там!..

Шла передача о каком-то сибирском селе. Картины, одна непригляднее другой, опять вгоняли в тоску: кособокие избы с прогнившими крышами, люди в рваных одеждах с лицами узников концлагерей, на заснеженных улицах – в Сибири уже в разгаре зима – не видно ни одного машинного следа, по ним, качаясь от голода, бродят одни лишь худые собаки.

Корреспондент говорит, что село вымирает, что людям негде работать, что живут они только за счет огородов.

Но появление здесь телевидения – не уникальность села, таких вымирающих сел сейчас тысячи. Повод приезда сюда группы телевизионщиков другой: в село из далекой Германии прислали старые вещи – гуманитарная помощь. Местные власти решили раздать ее безвозмездно и на церемонию пригласили представителей СМИ. Раздачу сделали в школе. Завуч, женщина средних лет с утомленным лицом, говорит, что вещи как нельзя кстати: многие дети ходят в школу в лохмотьях. Она примеряет какую-то кофту на девочку лет десяти. Кофта кра-

сивая и по росту, но девочка прячет от телекамер лицо: ей стыдно. Стыдно за себя, за родителей, за родную страну.

Сергей не смог наблюдать спокойно за этим позорищем и выключил телевизор. «Знает ли наш Президент горькую правду о жизни народа? Как его сердце выносит такое?..» Он лег на диван и начал считать, сколько дней остается до выборов. Теперь-то уж их он ни за что не пропустит.

2003 г.

НА КУХНЕ

Лапша из пресловутых реформ давно уж прокисла и обрела отвратительный запах. Но ее продолжают навешивать на уши вконец замордованных россиян. Столичные прохиндеи, оседлавшие средства массовой информации, с утра и до ночи неугомонно горланят на разные голоса: реформы, реформы, необходимы реформы!.. Судебная и военная, пенсионная и коммунальная, учебная и земельная!.. Повсюду реформы! Даже русский язык перестал почему-то устраивать реформистов – намерились подреформировать и его... С газетных страниц, по радио, с телевизионных экранов – везде достает очумевшего обывателя непонятное слово – реформы!..

Чем они вызваны? Какова их конечная цель? Какие будут издержки при их проведении? Ответы на эти вопросы должны быть известны в первую очередь, и не просто известны, но одобрены, приняты обществом! Однако ответов нет и сейчас, после многолетних скитаний по зловещему реформистскому бездорожью. Охмурители—реформисты уходят от вразумительных объяснений, скрывают свои коварные замыслы, и упрямо ведут страну в неизвестность, обирая попутно до нитки ее безропотных и доверчивых граждан. Впереди непролазные дебри, по сторонам – трясины и топи, провизия, что имелаась с собой, уже на исходе, подножный корм пожирает ведущая шатия, уставших, ослабевших людей терзают обнаглевшие паразиты. Люди – в отчаянии, смотрят тоскливо назад – там, как теперь оказалось, было гораздо терпимей. Но назад уже тоже не выбраться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.